
Анна Юрьева
Наследие Теней:
Запретная кровь
Книга 2

Анна Юрьева

Наследие Теней: Запретная кровь 2

«Автор»
2026

Юрьева А.

Наследие Теней: Запретная кровь 2 / А. Юрьева — «Автор», 2026

Юля носит двойню, и живот растёт быстрее, чем должен. Для врачей это был бы странный срок. Те, кто видит больше, говорят иначе: дети проснулись, дальше растут они, а она уже нет. Держит их только вода из северного источника — шестое имя в списке старика: «север, за водой». Без неё Юля не дотянет до родов.За ней уже пришли. Собака, пробежавшая десять километров по снегу без единой снежинки на шерсти. Женщина с ребёнком, после которой не осталось детских следов. Те, кто считает долги: они не берут силой, они ждут, пока ты сам предложишь, а если нет — берут то, что ближе лежит.Юля едет на север, где вода под домом помнит всё, что над ней было, а за дорогу берут кулон. В храме на стене имён она находит держателя, который не помнит себя. «Тот, кто открывает, перестаёт быть собой», — говорит он.За дверью её ждёт человек, ушедший туда двадцать четыре года назад. Он не пленник: он хочет вернуть одну женщину и забрать двух детей.До родов три месяца. Счёт растёт.

© Юрьева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Двое 6
Три месяца 11
Марфа 18
Кто остаётся 23
Север 28
Оружейница 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Анна Юрьева
Наследие Теней: Запретная кровь 2

Наследие Теней 2

Двое

Они приехали в конце ноября, ночью.

Деревня стояла у самого леса: шесть домов, колодец посередине, ни одного огня в окнах. Машина осталась на дороге, и последний километр они шли пешком, не включая фонаря.

Дом, который дал им Ари, был последний на улице. Старый, бревенчатый, с крыльцом, которое повело влево. Внутри пахло пылью, мышами и мокрым деревом. На окнах висели выцветшие занавески, и на одной был вышит петух.

Бабушка обошла комнаты, потрогала печь и сказала:

— Топить надо.

И стала топить.

Оля увела Сергея в комнату на первом этаже. Костя принёс стул и поставил его у койки. Это было первое, что он сделал в новом доме.

Ари пошёл к хозяину, который отдал им дом, и вернулся через час.

— Кузьма говорит, тут раньше жила охотница, — сказал он. — Теперь нет.

— Умерла?

— Ушла, — сказал Ари. — Говорит, собралась и ушла.

Потом все легли.

Юля лежала на диване в гостиной, укрытая двумя одеялами, и не спала. В доме всё время что-то жило: оседала печь, потрескивало в стене, шуршало по стеклу. Под полом ходили мыши, и она считала их по звуку. Одна. Две. Три.

Живот мешал лежать на спине. Она повернулась на бок и подложила под колени свёрнутое одеяло.

Кулон лежал на груди, тёплый. Он был тёплый уже месяц, и она перестала этому удивляться.

Она лежала и вспоминала. Вспоминалось не по порядку.

Сначала она вспомнила живот. Заметила она его не сразу: думала, что поправилась, ела на бегу, спала плохо, и всё время хотелось сладкого. Потом юбка перестала застёгиваться, и она купила на размер больше. Она собиралась сесть на диету. Каждый вечер собиралась. К врачу не пошла: не любила врачей.

Потом приходил торт.

Он был белый, с цветами из крема, и на нём стояло «Юли», с ошибкой на одну букву. Она ела его ночью, на полу в кухне, спиной к шкафу, и отламывала руками, потому что ножа не нашла.

Ей было двадцать четыре в тот день, и она накрыла стол на двоих. Ждала до половины восьмого, потом позвонила, и абонент был недоступен. Тогда она взяла ключ, который Игорь дал ей летом, и пошла через дождь.

Дверь она открыла сама.

Галка сидела на диване в его футболке и ела виноград. Игорь стоял у окна. Он обернулся и сказал её имя, и в голосе у него не было ни страха, ни вины, только досада, будто она вошла не вовремя.

— У меня день рождения, — сказала Юля.

Он ответил, что забыл.

Она натянула сапоги, не развязывая шнурков, и закрыла за собой дверь.

Он не ушёл от неё. Она ушла.

В гостиной было темно. Юля повернулась на другой бок и положила ладонь на живот под одеялом.

Тогда она и заметила, что кулон на шее тёплый. Не холодный, как всегда, а тёплый, как ладонь. Она взяла его в руку, и тепло пошло от пальцев вверх, к ключице, и в груди что-то отозвалось, будто далеко под полом стукнули в стену.

Она сидела и ждала, что будет дальше.

Дальше ничего не было.

Звонить было некому. Точнее, было кому: бабушка за вечер написала три сообщения, и последнее было одно слово, её имя. Юля прочитала и положила телефон экраном вниз.

Утром она уехала.

Дом за лесом был низкий, с большой печью, и в нём пахло сушёными травами. Оля вышла на крыльцо, посмотрела на неё, потом на живот и сказала, что будет двойня. Между делом, как говорят о вещи, которая уже решена.

Потом был круг на поляне.

Юля встала в него и потянула из земли больше, чем могла отдать. Трава под камнями побледнела. На мху осталась мёртвая птица, и Оля сказала, что за взятое платит не всегда тот, кто взял.

Потом были охотники и был бой.

Лидер поднял руку, и всех отбросило. Сергей стоял ближе всех. Он сделал два шага назад, чтобы удержаться, и на третьем наткнулся спиной на арматуру, торчащую из обломков.

Он не закричал.

Оля держала его, Лара резала железо, и его унесли к машине на носилках. Всю дорогу Оля держала его руку, и от этого было понятно всё, что ещё не было сказано.

Потом был замок.

Юля думала, что это было как гроза: всё копилось, копилось и вдруг разом обрушилось. Когда оно кончилось, она стояла на камнях, а вокруг лежали люди, и никто не кричал, и только ветер шевелил что-то в кустах.

Помнила не бой, а куски.

Помнила, как пахло: гарью, мокрым камнем и чем-то сладким, как от горелой проводки. Под ногами хрустело стекло, и она успела подумать, что стекло здесь везде, а обувь у неё тонкая.

Помнила, как в конце зала стоял человек. Он не кричал и не бежал, говорил тихо, как говорят с тем, кто уже согласился.

А потом она назвала его по имени, и его не стало.

Куда ехать, они не знали.

Ари знал. Он сказал, что у него в горах есть знакомые, там их никто не будет искать, и что это шесть часов на машине и потом ещё час пешком.

— А там есть дом? — спросила она.

— Там есть деревня, — сказал Ари. — Шесть домов.

— Все шесть заняты?

— Три, — сказал он. — Три пустые.

Юля открыла глаза.

За окном было всё так же темно. Мыши под полом притихли, и в соседней комнате кто-то ровно дышал.

Она лежала и слушала это дыхание, пока не стало светать.

Через неделю лёг снег, в первых числах декабря, и с тех пор не сходил.

Деревня стала тихой. Не такой, как в первую ночь, когда они шли от машины и боялись включить фонарь, а другой: снег глушил звук, и по утрам было слышно, как в конце улицы кто-то колет дрова.

В январе, через два месяца после приезда, во дворе появилась собака.

Юля увидела её из окна: худая, ободранное ухо, хвост крючком. Она не лаяла и не виляла. Стояла у крыльца и смотрела на дверь, будто ждала, когда откроют.

— Откуда это чудо? — спросила Оля.

Бабушка тоже посмотрела.

— Ничья, — сказала она.

Собаку не звали. Её накормили, потому что она была худая, и хлеб был не жалко. Она съела всё, легла у крыльца и осталась.

К вечеру Юля поняла, что она не уходит, и бабушка посмотрела на неё долго, а потом сказала:

— Пусть живёт.

Один глаз у неё был мутный, как у старых собак. Другим, зрячим, она смотрела на Юлю так, будто проверяла её.

Юля назвала её Мороз, потому что она пришла в самые морозы.

Бабушка фыркнула:

— Это сука.

— И что?

— Ничего, — сказала бабушка. — Пусть будет Мороз.

Собака научилась лежать у двери в комнату Юли и не подпускала к ней никого, кроме своих.

Через неделю бабушка и Оля стали смотреть живот.

Они делали это по вечерам, когда дом затихал. Бабушка клала обе ладони Юле на живот и закрывала глаза, и Юля чувствовала, как тепло идёт от её рук, как от печки.

— Сидят, — говорила бабушка.

— Девочки?

— Девочки. — Бабушка не открывала глаз. — Обе.

Оля сказала ей это ещё в первые дни, когда они только приехали: села рядом на крыльцо, взяла за руку и сказала, что будут две девочки. Так, как говорят про погоду.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу, — сказала Оля. — Я всегда видела.

— И что ещё видишь?

— Пока ничего. — Оля отпустила её руку. — Маленькие ещё.

С тех пор она это знала, но представить себе не могла: не двух младенцев, а двух людей, которые будут ходить, разговаривать и ссориться из-за игрушек.

— Вот эта у тебя под ребром, — сказала бабушка. — Видишь, она крупнее. А вторая ниже и глубже. Вторая у тебя прячется.

— Почему прячется?

Бабушка не ответила.

Оля делала по-другому: она не закрывала глаз, а просто держала руки, глядя мимо Юли в стену, и рассказывала потом, что видела. Один раз она сказала, что видит воду. Другой раз — что видит дерево, и ветка у него светится.

— Это нормально? — спрашивала Юля.

— Я не знаю, — говорила Оля. — Я такого не видела.

Повитуху привёл Ари.

Её звали Пелагея, ей было под восемьдесят, и она жила на другом конце деревни, где домов было уже три, а не шесть.

Она пришла, посмотрела на Юлю, сняла платок и сказала:

— Сядь.

Юля села.

Пелагея положила руки ей на живот и прикрыла глаза.

Она сидела так долго, что Юля начала считать. На счёте до двухсот Пелагея убрала руки и достала из-за пазухи папиросы.

— Две, — сказала она.

— Я знаю.

— Знаешь, — согласилась Пелагея. — А знаешь, какие?

— Какие?

Пелагея закурила. Запах был крепкий, махорочный, и Юля за три месяца отвыкла от табака.

— Верхняя в воду смотрит, — сказала Пелагея. — Нижняя в тебя.

— Что это значит?

— Это значит, что одна у тебя будет с водой разговаривать, а вторая с тобой.

Юля не поняла, но переспрашивать не стала.

Пелагея приходила раз в неделю. Она приносила с собой траву, завёрнутую в тряпку, и заваривала её так крепко, что в доме пахло чем-то средним между полынью и дымом. Юля пила, и боль в спине уходила, и становилось легче дышать.

Кроме травы, Пелагея умела ещё одно.

Один раз, в конце зимы, Юлю так скрутило, что она не смогла встать с кровати. Бабушка уже достала таз, Оля грела воду, а Пелагея пришла, села рядом, взяла Юлю за руку — и боль ушла.

Не ослабла. Ушла. Как будто её выключили.

Юля лежала и дышала, и не могла поверить, что в теле опять пусто и тихо.

— Как вы это делаете?

— Руки, — сказала Пелагея.

— Это не руки.

— Руки, — повторила Пелагея. — Ты зачем? Ты рожать будешь, а не разговаривать.

Собака уходила каждый день.

После завтрака она поднималась с крыльца, потягивалась так, что хрустели кости, и трусила по улице к лесу. К вечеру возвращалась, иногда с ободранной мордой, иногда чистая, и всегда голодная.

— Охотится, — сказала Оля.

— На кого она там охотится? — сказала бабушка. — Там снег по колено.

— Значит, зайцы.

— Зайцев она не ест, — сказала бабушка. — Она ест то, что я даю.

Юля не думала об этом. У неё было о чём думать.

Ари думал.

Он сказал об этом только один раз, вечером в сенях, когда они остались вдвоём:

— Она не охотится.

— Почему?

— Она уходит одной дорогой, — сказал он. — И приходит одной дорогой. Охотники так не ходят.

— Ты же сам охотник.

Ари посмотрел на неё.

— Вот поэтому я и говорю, — сказал он.

Утром он пошёл за собакой.

Он вышел через полчаса после неё, в куртке, без ружья, и пошёл по её следам: сначала по улице, потом через поле, потом в лес.

След был один и тот же, утоптанный, как дорожка, и это было первое, что ему не понравилось: собака ходила так каждый день и за зиму утоптала себе половину поля.

Он шёл долго.

Лес был редкий, зимний, и в нём было тихо, и от этого Ари несколько раз останавливался и слушал.

Он услышал это с расстояния: не лай, не вой. Негромкий голос, без нажима, как читают вслух заученное.

Ари присел за сосну и посмотрел.

На поляне, в широком круге вытоптанного снега, сидели четыре собаки. Не на снегу, а в углублении, будто там была земля. Две из них были такие же тощие и бездомные, как Мороз. Третья была большая, лохматая, с широкой спиной.

А между ними стоял человек.

Он был в шубе и в валенках, и лицо у него было закрыто меховой шапкой так, что Ари видел только подбородок и рот.

Мороз сидела перед ним.

Человек говорил, и голос шёл ровно, без пауз.

Ари просидел за сосной до тех пор, пока собаки не поднялись.

Потом он встал, и его увидели.

Человек в шубе замолчал.

Он не шагнул и не двинулся, и все четыре собаки повернули головы в одну сторону, к сосне.

Ари не стал ждать.

Он шёл назад в деревню и не оборачивался, и слышал, как сзади по снегу идёт собака. Одна. Мороз.

Дома он взял ружьё, вышел во двор, поставил его на крыльцо и сказал Юле:

— Собаку надо увозить.

— Почему?

— Потому что она не сама себе хозяин, — сказал Ари. — Ей хозяин там.

— Кто?

Ари посмотрел на Мороз.

Собака стояла у крыльца и смотрела на него одним своим зрячим глазом.

— Не знаю, — сказал он. — Но он знает про нас всё.

Три месяца

Юля проснулась от того, что в комнате кто-то ходил.

Она лежала на диване в гостиной, укрытая двумя одеялами, и слушала. Шаги были мягкие, будто босиком по половику. Потом скрипнула дверь на первом этаже, и стало тихо.

Она села. Живот мешал сесть сразу: пришлось повернуться на бок, опереться рукой о спинку дивана и подтянуться. Внутри толкнулось два раза, коротко и сильно, как будто кто-то стукнул кулаком по ребру.

— Тихо, — сказала она. — Тихо вы.

За окном было серо. Ночью прошёл дождь, на стекле остались капли, и в них отражался сад: яблоня, забор, мокрая трава. На кухне гремела посуда.

Бабушка стояла у плиты в халате, завязанном поверх платья, и перекладывала ложкой что-то в кастрюле.

— Сядь, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты вчера не ела.

— Я ела.

— Ты ела то, что тебе положили, и половину оставила. Садись.

Юля села за стол. Стол был длинный, на восемь человек, и на нём лежала клеёнка с выцветшими грибами. За три месяца Юля выучила этот дом наизусть: где скрипит половица, какая дверца у буфета не закрывается, сколько шагов от дивана до комнаты с койкой. Дом был чужой и уже свой.

Сейчас на столе стояла одна чашка и лежали таблетки в блистере.

— Костя уже встал? — спросила Юля.

— Встал. Пошёл за водой.

— А Оля?

Бабушка не ответила сразу. Она сняла кастрюлю с огня, поставила на деревянную доску и вытерла руки о полотенце.

— Оля там же, где и была.

Юля кивнула и стала есть. Каша была горячая, с маслом, и от неё шёл пар. Она ела медленно, потому что желудок последние недели принимал еду неохотно, и потом её подкатывало к горлу.

Кулон лежал на ней поверх платья, на цепочке. Юля тронула его пальцем. Металл был тёплый.

— Опять? — спросила бабушка.

— Нет. Просто тёплый.

— Он всегда тёплый, — сказала бабушка. — Он греется от тебя.

Она не сказала, что это значит, и Юля не спросила. Юля давно привыкла к тому, что бабушка отвечает не на всё.

Костя вернулся с двумя вёдрами. Он поставил их на пол в сенях, снял куртку, повесил на гвоздь и вытер руки о штаны. На рукаве у него темнела мокрая полоса.

— Вода в колодце поднялась, — сказал он. — Ещё два ведра, и на утро хватит.

— Спасибо, — сказала Юля.

Он кивнул. Потом взял со скамьи стул, лёгкий, с плетёным сиденьем, и понёс его в комнату на первом этаже. Юля слышала, как он ставит стул у койки и как скрипят ножки по полу.

Каждый день одно и то же. Вода, стул, ложка, чистое полотенце. Он не спрашивал, нужно ли помочь, и не ждал, что его поблагодарят.

Мороз лежала под дверью.

Она всегда лежала под дверью, поперёк, так, что нельзя было выйти, не перешагнув. Когда Юля вышла, собака подняла голову, посмотрела на неё одним зрячим глазом и снова уронила голову на лапы.

— Пусти, — сказала Юля.

Мороз не двинулась.

— Пусти, я тебя перешагну.

Она перешагнула.

На крыльце было холодно и мокро. Яблоки под деревом совсем почернели, и трава под ними лежала прибитая дождём.

Пелагея пришла в то же утро, как всегда по вторникам, вместе с Игнатом, который привозил дрова.

Она шла через двор мелким шагом, в платке и в трёх кофтах, и несла узелок с травой.

Мороз встала.

Она встала не так, как встают собаки: не потянулась, не вильнула. Она просто поднялась и стала между Пелагеей и крыльцом.

Пелагея остановилась.

Они смотрели друг на друга, и это продолжалось дольше, чем нужно, чтобы собака обнюхала человека.

— Это что за зверь? — спросила Пелагея.

— Приблудилась, — сказала Юля. — Мороз.

— Мороз, — повторила Пелагея. — Сучка?

— Сучка.

Пелагея подошла ближе, и Мороз отступила на полшага.

— А ну-ка, — сказала Пелагея и протянула руку.

Собака не зарычала. Она подставила голову, и Пелагея погладила её, и Юле показалось, что у Пелагеи при этом очень внимательные глаза, как у человека, который считает деньги в чужом кармане.

— Хорошая собака, — сказала Пелагея.

— Вы её раньше видели?

— Нет.

Пелагея выпрямилась и пошла в дом, и Мороз её пропустила.

В доме Пелагея разделась до кофты, села у печи, достала папиросы и закурила.

— Сядь, — сказала она Юле. — Что болит?

— Спина.

Пелагея положила руки, и спину отпустило.

— Как вы это делаете? — спросила Юля.

— Руки.

— Это не руки.

— Руки, — сказала Пелагея и выпустила дым. — Ты мне лучше скажи вот что. Откуда эта собака?

— Я же говорю: пришла.

— Когда?

— В январе. Как раз морозы ударили.

Пелагея помолчала.

— А до неё тут собак не было?

— Не знаю. Мы приехали в конце ноября.

Пелагея выглянула в окно. Собака сидела под дверью и смотрела на крыльцо.

— У нас в деревне была одна такая, — сказала Пелагея. — Давно. Пришла к одной женщине, жила у неё год, а как та умерла, ушла в лес. Её потом встречали. Только её уже не одну встречали.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — сказала Пелагея. — Я старая, я путаю.

Она докурила, потушила папиросу в блюдце и начала собираться.

Юля проводила её до двери.

— Пелагея Ильинична.

— Ну.

— С собакой что-то не так?

Пелагея намотала платок, посмотрела на Мороз, потом на Юлю.

— С собакой всё так, — сказала она. — Это с нами что-то не так.

Она пошла через двор, и Мороз не двинулась с места, хотя обычно провожала всех до калитки.

Когда Пелагея вышла за ворота, собака встала и проводила её взглядом.

Потом подошла к Юле и ткнулась носом ей в руку.

Нос был холодный и сухой.

— Ты чего? — спросила Юля.

Мороз смотрела на неё.

— Ты чего, а?

Собака отошла, легла под дверь и закрыла глаз.

Юля постояла ещё немного и пошла в коридор.

Комната на первом этаже была когда-то кладовой. Теперь там стояла больничная койка с поднятыми бортами, и на ней лежал Сергей. Из-под одеяла виднелись только голова и одна рука. Лицо у него было серое, спокойное, и грудь поднималась ровно и медленно, как метроном.

Оля сидела на стуле у койки так, чтобы видеть его лицо, и держала его руку в своей. Волосы у неё были собраны в узел, но часть выбилась и висела вдоль щеки.

— Доброе утро, — сказала Юля.

— Доброе, — сказала Оля, не поворачиваясь.

Юля постояла в дверях. В комнате пахло мокрой тканью и лекарством.

Потом она увидела.

Это началось не как сон. Сон у неё всегда был с закрытыми глазами и с обрывками. А это пришло с открытыми, посреди коридора, когда она смотрела на руку Сергея.

Комната. Не эта.

Обои в мелкий синий цветок. Лампа на столе, под зелёным абажуром, и под ней круглая тень. Окно с двумя створками, на подоконнике три стеклянные банки, одна с водой. Половицы крашеные, и в одном месте краска стёрлась до дерева.

Кто-то ходил по комнате. Юля видела ноги и край юбки, но не могла поднять взгляд выше. Она была низко. Она смотрела на этот пол снизу, и он уходил вверх, к окну, и был очень большим.

И кто-то пел. Тихо, без слов, всё на одной и той же ноте, и от этой ноты хотелось закрыть глаза.

В горле стало тесно. Она хотела вдохнуть и не смогла.

Пол качнулся.

— Юля.

Её держали за плечо. Она стояла в коридоре, у стены, и Ари придерживал её одной рукой, а второй держал затылок, будто она могла упасть.

Она слышала, как дышит. Своё дыхание было частым и мелким, как у собаки.

— Опять, — сказала она.

— Опять, — согласился Ари.

Оля уже стояла рядом и взяла её за другую руку, и смотрела так, как смотрят на человека, который вот-вот свалится.

— Сколько ты видела? — спросила Оля.

— Комнату.

— Какую?

— Не знаю. Обои в цветок. Банки на окне. — Юля сглотнула. — Там кто-то ходил. И пел.

— Пел? — спросила Оля.

— Без слов. На одну ноту.

Оля и Ари переглянулись. Юля заметила это и не стала спрашивать. Она и так знала.

Она вернулась в комнату, села на край койки, туда, где было свободно, и положила ладонь на живот. Толчков не было. Дети притихли и прислушивались.

— Три месяца, — сказала она. — Вы там что, уже квартиру снимаете?

В ответ толкнуло один раз, сбоку, у самой поясницы, и Юля охнула.

— Что? — Оля подалась вперёд.

— Ничего. Ногой.

Толкнуло ещё раз, и она положила обе ладони на живот. Сквозь платье чувствовалось, как внутри кто-то ворочается, устраивается поудобнее.

— Они так с самого утра, — сказала Юля. — Будто им там тесно.

— Им и тесно, — сказала Оля. — Двое в одном животе.

Ари отошёл от стены и сел на подоконник. В комнате было три окна, и на всех висели шторы, которые Оля не открывала с тех пор, как привезли Сергея.

— Ты видела комнату целиком? — спросил он.

— Нет. Пол и банки на окне.

— Значит, смотрят снизу, — сказал Ари. — Лежат и смотрят вверх.

Юля не сразу поняла, что он имеет в виду. Потом дошло: дети не сидят и не ходят. Они лежат, и глаза у них на уровне чужого пола. Поэтому пол был таким большим, а ноги женщины уходили вверх, к окну.

От этого стало холодно. Она встала.

— Пойду на воздух.

В сенях она поняла, что напевает: тихо, себе под нос, на одну ноту, без слов. Она закрыла рот и постояла, прислушиваясь к себе.

На дворе пахло мокрой землёй и яблоками. Они лежали под деревом, часть уже коричневая, и от них тянуло кислым. Юля прошла по траве к забору, где лежали дрова, и остановилась.

Игнат колол дрова у сарая.

Он приезжал раз в неделю, по вторникам, и всегда в одно и то же время. Привозил на телеге сухие поленья, складывал под навесом и колол столько, сколько, по его расчёту, должно было хватить до следующего раза. Оля не просила его об этом, и бабушка не просила. Он просто приезжал.

На нём был старый ватник и резиновые сапоги, а на голове шапка, которую он не снимал даже в тепле.

— Ты рано сегодня, — сказала Юля.

— Дров мало, — сказал он и поставил полено на колоду.

Топор поднялся и опустился. Полено развалилось на две части, ровно, как по линейке.

— Игнат.

— Что.

— Ты можешь не приезжать каждую неделю.

Он взял следующее полено.

— Могу.

Топор стукнул. Он сгрёб щепу в кучу, сложил поленья в поленницу и вытер руки о ватник.

— Тебе что-то снилось, — сказал он. Это был не вопрос.

Юля посмотрела на него. Лицо у него было обветренное, спокойное, и глаза смотрели не на неё, а на дрова.

— Комната, — сказала она. — С открытыми глазами. Обои в цветок, лампа под абажуром, три банки на окне. И женщина. Я не видела лица, только юбку.

Игнат молчал долго. Достаточно долго, чтобы Юля успела замёрзнуть.

— Синие цветы? — спросил он наконец.

— Синие.

Он положил топор на колоду.

— Это не сон, — сказал он. — Сон у тебя был бы про тебя. А это они смотрят.

— Они?

— Дети. Они лежат и смотрят. Значит, они там.

— Где там?

— В комнате, — сказал Игнат. — В какой-то комнате.

Юля хотела сказать, что это глупость, что дети не могут смотреть из живота в чужую комнату. Но она вспомнила, как пол уходил вверх, и как в горле стало тесно, и промолчала.

— Ты знаешь такую комнату? — спросила она.

— Нет.

— Но цветы тебе о чём-то сказали.

Игнат наклонился, поднял топор и поставил его в пень, лезвием вниз.

— Такие обои делали на севере, — сказал он. — Синие цветы по серому. У нас в горах такими оклеивали комнаты для гостей. Двадцать лет назад.

— На севере, — повторила Юля.

— На севере, — сказал он и пошёл к телеге.

Она смотрела, как он закидывает в телегу остатки дров, как поправляет верёвку, как садится на край и берётся за вожжи. Он не попрощался. Он никогда не прощался.

Когда телега выехала за ворота, Юля вернулась в дом.

Бабушка стояла в коридоре у окна и смотрела на дорогу.

— Ба?

— Иди в дом, — сказала бабушка, не поворачиваясь. — Холодно.

— Ты чего?

Бабушка помолчала.

— Гости будут, — сказала она. — К вечеру.

Юля посмотрела на дорогу. Дорога была пустая.

Вечером она чистила картошку и снова поймала себя на этом: пела, тихо, без слов, и нож шёл в такт.

Бабушка стояла у печи и не обернулась, но перестала мешать в кастрюле.

— Ты чего это? — спросила она.

— Что?

— Поёшь.

— Я не пою, — сказала Юля.

Бабушка не ответила сразу.

— Ну, — сказала она. — Ладно.

Она сняла кастрюлю с огня и вышла. В дверях она ещё раз посмотрела на Юлю, хотела что-то сказать.

Ночью она не спала и вышла на крыльцо.

Ари сидел на ступеньке.

Он был без куртки, в одной рубашке, и не мёрз.

— Не спится? — спросил он.

— Не спится.

— Садись.

Она села рядом. Ночью было тихо, и слышно было, как в хлеву дышит корова.

— Ари.

— Да.

— Ты давно с нами?

Он помолчал.

— Полгода.

— А до этого?

— До этого я водил людей.

— Куда?

— По разным дорогам, — сказал Ари. — К разным местам. Кто-то искал клад, кто-то могилу, кто-то родню. Я знаю много дорог.

— И что ты берёшь?

— День, — сказал он. — Один день жизни. Не больше.

Юля посмотрела на него.

— Зачем?

— Чтобы помнить.

Она не сразу поняла, что он говорит не о памяти вообще.

— Ты забываешь?

Ари долго молчал.

— Я мёртвый, — сказал он. — Двести лет. Мёртвые не помнят так, как живые. У нас всё стирается: сначала мелочи, потом лица, потом то, зачем мы вообще.

Он поднял руку и посмотрел на неё, будто видел впервые.

— Я держу себя двести лет, — сказал он. — Каждое утро я вспоминаю, кто я и что я. Это работа.

— И дни помогают?

— Чужой день держит крепче, — сказал он. — Это как взять у человека кусок памяти и поставить его на место своего.

Юля поёжилась.

— Это плохо?

— Это плохо, — сказал Ари. — Я это знаю.

Он сцепил руки на коленях.

— Я тебе это говорю не для того, чтобы ты меня жалела. Я говорю тебе, потому что ты должна знать, с кем идёшь.

— Я знаю, с кем иду.

— Нет, — сказал он. — Ты думаешь, что я человек, который помогает. Я не помогаю. Я выбираю, кому помогать, потому что это держит меня двести лет.

Он повернул к ней голову.

— Ты не первый человек, с которым я иду. И, наверное, не последний.

— А сколько было?

— Много, — сказал Ари.

— И что с ними?

— Кто-то вернулся, — сказал он. — Кто-то нет. Однажды, если ты доживёшь до старости, я тебе расскажу.

— Я не доживу до старости.

Ари посмотрел на неё.

— Вот поэтому я и иду с тобой, — сказал он.

Они посидели молча.

— Ари.

— Да.

— А в тебе тьма?

Он не удивился.

— В каждом мёртвом тьма, — сказал он. — Вопрос в том, кто в кого.

— И кто в кого у тебя?

Ари смотрел в темноту.

— Пока я, — сказал он. — Но она меняет.

— Как?

— Ты начинаешь находить причины, — сказал он. — Сначала хорошие. Потом любые.

Он встал.

— Иди спать, — сказал он. — Завтра будет день, и он будет твой.

— А завтра?

— Завтра я посмотрю.

Он ушёл в сарай.

Юля посидела ещё немного и пошла в дом.

Она лежала и думала, что впервые за полгода ей рассказали правду, и от этой правды было не легче, а холоднее.

Потом она подумала, что холоднее — это не то слово.

Правильное слово было: надёжнее.

Марфа

Гости пришли к вечеру, как бабушка и сказала.

Юля сидела на кухне и чистила картошку, когда в сенях стукнули. Не в дверь, а по половице, будто кто-то поставил тяжёлое. Потом дверь открылась, и в коридор вошла старуха.

Она была невысокая, в мокром платке и в мужском пиджаке поверх платья. За спиной у неё висел мешок, перевязанный верёвкой. С её одежды капало на пол, и в коридоре сразу запахло сыростью и землёй.

— Здравствуй, — сказала она.

Бабушка стояла в дверях кухни.

— Марфа.

— Я пешком шла, — сказала старуха. — От поворота. Автобус не ходит.

Она сняла мешок и поставила его у стены, потом сняла платок и повесила на гвоздь. Волосы у неё были седые, редкие, собраны в пучок на затылке.

Юля узнала её не сразу.

Потом узнала: подвал в Бич-городе, низкий потолок, тряпки на стенах, запах мокрой шерсти. Марфа сидела там на ящике и говорила про срок. Она уже тогда сказала про двоих.

— Здравствуй, девочка, — сказала Марфа и посмотрела на её живот. — Большой.

— Три месяца.

— Четыре, — сказала Марфа.

— По счёту три.

— По счёту, — сказала Марфа. — А они по-своему. Такие носят девять месяцев в четыре. И родятся, когда им будет пора, а не когда ты насчитаешь.

Юля посчитала. По счёту выходило три с половиной. Марфа считала иначе, и спорить с ней не хотелось.

— Пойдём в комнату, — сказала бабушка. — Там тепло.

— Здесь посижу, — сказала Марфа и села на табурет у печи. — Мне тепло не нужно.

Она сидела и смотрела на огонь в топке. Оля пришла из своей комнаты, встала в дверях, посмотрела на гостью и ничего не сказала.

Ари стоял у окна. Костя вышел из сеней и остался в коридоре, у порога.

— Чай будешь? — спросила бабушка.

— Не буду.

— Молоко?

— Я за делом, — сказала Марфа. — Дай тряпку и нож.

Юля не сразу поняла, о чём она. Потом вспомнила подвал: старуха тогда попросила то же самое, и Юля оставила на тряпке две капли крови.

— Зачем? — спросила она.

— Плата, — сказала Марфа. — Я за так не хожу.

Бабушка принесла чистую тряпку и нож. Марфа положила тряпку на колени, взяла нож, нашла на своей руке место потоньше и уколола палец. Две капли упали на ткань. Она зажала палец и подняла на Юлю глаза.

— Теперь ты.

Юля не взяла нож.

— Нет, — сказала она.

Марфа посмотрела на неё. В глазах не было ни удивления, ни обиды.

— Как это нет?

— Так. — Юля положила руки на колени. — Вы пришли и сразу за нож. Даже не поздоровались толком.

— Здороваться я умею, — сказала Марфа. — Ты не за тем меня ждала.

— Я вас не ждала.

— Ждала, — сказала Марфа. — Иначе бы не сидела тут с картошкой и не прислушивалась.

Бабушка у печи шевельнулась.

— Юля, — сказала она. — Она за плату ходит. Не перечь.

— Я не перечу. — Юля смотрела на старуху. — Я спрашиваю.

Марфа поставила нож на стол.

— Спрашивай.

— Вы пешком шли, — сказала Юля. — От поворота. Автобус не ходит, а вы шли. В темноте. Значит, вам это нужно не меньше, чем мне.

В комнате стало тихо.

Костя у порога переступил с ноги на ногу, и половица скрипнула.

Марфа медленно опустила руки.

— Умная, — сказала она. — Девочка умная.

— Я просто смотрю, что вижу.

— И что ты видишь?

— Что вы пришли не мне помочь, — сказала Юля. — Вы пришли что-то взять.

— Не что-то, — сказала Марфа. — Кровь. Я за кровью хожу, этим и живу. Ты мне не первая и не последняя.

— Тогда скажите, зачем вам моя кровь.

— Чтобы знать, — сказала Марфа. — Кровь говорит, когда слова врут.

— И всё?

— И всё.

Юля смотрела на неё.

— А зачем вы тогда мне правду говорите? Про месяц, про воду?

— Потому что мне не нужна твоя смерть, — сказала Марфа. — Мне нужна твоя кровь, а не ты. Мёртвая ты мне ничего не скажешь.

Она подождала.

— Теперь дашь нож или мне идти?

Бабушка стояла у печи и молчала.

Юля взяла нож.

— Я дам, — сказала она. — Но я тоже спрошу.

— Спрашивай.

— Что вы видели, когда шли сюда?

Марфа прищурилась.

— Что я видела?

— Вы видели собаку? — спросила Юля. — Она лежит под дверью второй месяц. Вы её видели раньше?

Старуха молчала.

— Видели, — сказала Юля. — Иначе вы бы не сказали «а, ты оттуда».

Марфа долго молчала.

Потом сказала:

— Ты не глупая. Это плохо.

— Почему?

— Потому что умные лезут туда, где их очень ждут, — сказала Марфа. — А их там очень ждут.

Она протянула руку.

— Кровь.

Юля уколола палец.

Две капли упали на ткань, и Марфа сложила её вчетверо.

— Хороший вопрос ты задала, — сказала она, убирая тряпку. — Про собаку. Я потом подумаю, что тебе на него ответить.

— Потом — это когда?

— Потом — это если будет потом.

Юля села напротив. Палец у неё саднил, и она держала его зажатым в кулаке.

— Ты знаешь, зачем я пришла, — сказала Марфа.

— Нет.

— Знаешь. Ты видишь комнату.

В печи щёлкнуло полено. Юля смотрела на старуху и молчала.

— Обои в цветок, — сказала Марфа. — Лампу. Банки на окне.

— Откуда вы…

— Я не вижу, — сказала Марфа. — Я считаю. Они тебе показывают то, куда смотрят. Значит, проснулись.

Она помолчала.

— Им четыре месяца, а смотрят они, как годовалые. Дальше будет хуже.

— Что значит хуже?

— Значит, они будут смотреть не только глазами, — сказала Марфа. — Они уже не спят. Они едят тебя.

Юля положила ладонь на живот. Толчков не было.

— Я их кормлю, — сказала она. — Я ем.

— Ты ешь кашу, — сказала Марфа. — А они едят силу. Твою. И берут больше, чем ты можешь отдать. Через месяц ты не встанешь.

Бабушка села на табурет рядом и сложила руки на коленях.

— Чем их держать? — спросила она.

— Водой, — сказала Марфа. — Из северного источника. Той, что за Мёртвым городом, у оружейницы. Шестое имя, девочка. Ты до него не дошла.

— Север, за водой, — сказала Юля.

— Север, за водой, — повторила Марфа.

Она встала, взяла свой мешок, поставила его на колени и стала развязывать верёвку.

— У тебя есть неделя, — сказала она. — Может, две. Дальше вода не поможет.

— А если не успею?

Марфа развязала мешок. Внутри лежали тряпки, свёрнутые в тугие узлы.

— Родятся, — сказала она. — Но не такими.

— Какими?

— Голодными.

Она достала один узел, положила его на стол и развернула. В тряпке лежал камень, серый, гладкий, размером с кулак.

— Положи на живот на ночь, — сказала Марфа. — Он их придержит. Ненадолго.

Юля взяла камень. Он был тёплый и лёгкий, легче, чем казался.

— Сколько я вам должна? — спросила она.

— Уже отдала, — сказала Марфа.

Она завязала мешок, встала и пошла в коридор. У порога обернулась.

— Оружейница цену спросит свою, — сказала она. — Не вода у неё дорогая. Дорогая дорога к воде.

— Что за дорога?

Марфа посмотрела на неё и не ответила.

— Найдёшь, — сказала она. — Не ты первая.

Она надела платок и взяла мешок.

Мороз лежала под дверью, поперёк, как всегда, и, когда старуха пошла к выходу, встала.

Она не бросилась и не залаяла. Она зарычала низко, в груди, так, что шерсть на загривке поднялась.

— Мороз! — сказала Юля.

Собака не послушалась.

Марфа остановилась.

Она посмотрела на неё сверху вниз: была маленькая, а собака стояла на прямых лапах и доставала ей до груди.

— А, — сказала Марфа. — Ты оттуда.

Она сказала это спокойно, как говорят «а, это ты».

Мороз не двинулась.

— Марфа, — сказала бабушка. — Ты знаешь эту собаку?

Марфа перевела глаза на бабушку.

— Я знаю, откуда она, — сказала она. — И что она тут делает.

— И что?

Старуха обошла собаку, не глядя на неё, и взялась за дверную ручку.

— Плату возьмёт не с тебя, — сказала она. — С неё.

Она вышла. Дверь за ней закрылась не сразу: её придержал ветер, и в коридор натекло холодом.

Костя подошёл к двери и задвинул засов.

Бабушка сидела и смотрела на огонь.

— Ба?

— Я её знаю сорок лет, — сказала бабушка. — Она не врёт. И не жалеет.

Юля посмотрела на камень в руке. В печи опять щёлкнуло, и тень от огня качнулась на стене.

— Значит, север, — сказала она.

Ночью она положила камень на живот.

Она легла на спину, как велела Марфа, и пристроила его пониже рёбер, там, где толкалась младшая.

Камень лежал тяжело.

Через минуту дети затихли.

Не сразу: сначала младшая толкнулась ещё два раза, будто пробуя, потом замерла. Следом старшая перестала ворочаться.

И стало тихо.

Юля лежала и слушала эту тишину.

За три месяца она привыкла, что внутри кто-то живёт и шевелится, что ночью её будят, что под утро начинается возня. Она уже не помнила, каково это: быть одной в своём теле.

И вот она была одна.

Она лежала и думала, что так, наверное, и должно быть. Что все беременные спят. Что дети спят тоже.

Потом она поняла, что не чувствует их совсем. Не то чтобы тихо, а никак: как будто живот набили ватой.

Она села.

— Эй, — сказала она. — Вы тут?

Ничего.

Она убрала камень на тумбочку, и через минуту толкнуло, коротко и зло, и она выдохнула и откинулась на подушку.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Я поняла.

Она положила камень обратно.

Толчки прекратились.

Она лежала и смотрела вверх, и в темноте ничего не было видно.

Утром она сказала бабушке.

— Я его не хочу.

— Кого?

— Камень. — Юля держала его в руке, и он был тёплый, как живой. — Я его кладу — и не чувствую их. Совсем.

Бабушка взяла камень, повертела и положила на стол.

— Марфа плохого не даст, — сказала она.

— Я не говорю, что плохого. Я говорю, что не чувствую.

— И что?

— А если они умрут там? — спросила Юля. — Как я узнаю?

Бабушка посмотрела на неё.

— Никак, — сказала она. — Так и будешь ходить и не знать.

— И ты мне это говоришь?

— А что мне тебе говорить? — сказала бабушка. — Что всё будет хорошо?

Она села напротив.

— Тебе сейчас выбирать не из хорошего и плохого, — сказала она. — Тебе выбирать из плохого и худого. Камень — плохое. Без камня — худое. Вот и всё.

Юля смотрела на камень.

— Я буду его класть на ночь, — сказала она.

— Клади.

— Но я буду их будить.

— Буди, — сказала бабушка. — Ты их мать. Тебе решать.

Юля взяла камень и убрала в карман халата.

Она стала класть его на ночь и будить их утром: убирала, ждала минуту, пока толкнёт, и только тогда шла умываться.

Так и повелось.

Кто остаётся

Утром бабушка достала с антресолей чемодан.

Он был старый, обтянутый коричневым дерматином, с двумя замками и ручкой, перемотанной изолентой. Бабушка поставила его на пол в коридоре и открыла. Внутри лежали газеты, которыми когда-то застилали дно, и больше ничего.

— Собирайся, — сказала она. — Поезд завтра в два.

Юля стояла в дверях кухни с чашкой в руках.

— Какой поезд?

— До Северного, — сказала бабушка. — Дальше автобус. Дальше пешком, я скажу, где.

Она говорила так, будто всё уже решено, и, судя по всему, так оно и было: решали ночью, пока Юля спала.

— Ба, я ещё ничего не…

— А чего ты ждёшь? — бабушка выпрямилась и посмотрела на неё. — Пока они тебя доедят?

Юля поставила чашку на стол.

— Кто едет?

— Ты. Ари. Лара.

— А ты?

— А я остаюсь, — сказала бабушка. — Кто-то должен держать дом.

— Какой дом, ба? — Юля сказала это резче, чем хотела. — Тут дом Ари.

Бабушка поджала губы и ничего не ответила.

Она вышла во двор.

Юля постояла и пошла за ней.

Бабушка стояла у поленницы, спиной к дому, и смотрела на лес.

— Ба.

— Чего тебе?

— Ты чего вышла?

— Воздуху мало, — сказала бабушка.

Юля встала рядом.

Было холодно и тихо. Над лесом висело серое небо, и в нём не было ни одного просвета.

— Скажи прямо, — сказала Юля. — Ты не хочешь, чтобы я ехала.

— Не хочу.

— Почему?

Бабушка обернулась.

— Потому что я уже отпускала, — сказала она. — Один раз. Двадцать четыре года назад я стояла вот так же и смотрела, как уходит моя дочь.

— Это другое.

— Это то же самое, — сказала бабушка. — Только тогда я была моложе и думала, что она вернётся.

Она помолчала.

— Она мне сказала: «Я его приведу». Вот так и сказала, спокойно: «Я его приведу, мама». И ушла. И не привела ни его, ни себя.

— Ба.

— Я не о том, — сказала бабушка. — Я не о том, что ты не вернёшься. Я о том, что я останусь.

Она посмотрела на Юлю.

— Ты уедешь, и я останусь здесь, в чужом доме, и буду ждать. Не знаю, сколько ещё выдержу.

— Ты не останешься одна, — сказала Юля. — Тут Оля, Костя, Сергей.

— Оля с Сергеем, — сказала бабушка. — Костя с Олей. А я одна.

Она сказала это без жалости к себе.

— Останься, — сказала она. — Я тебя прошу.

Юля не сразу поняла, что это первая её просьба за всю жизнь.

Бабушка не просила никогда. Она велела, запрещала, молчала, но не просила.

— Я не могу, — сказала Юля.

— Можешь. — Бабушка взяла её за руку. — Мы найдём другую воду. Я знаю людей. Я знаю старых. Мы найдём.

— Марфа сказала, что нет.

— Марфа сказала, что не знает, — поправила бабушка. — Это разные вещи.

— Она сказала, что родятся голодными.

— Она много чего говорит.

Юля вынула руку.

— Ба, — сказала она. — Ты сама меня этому учила. Когда я была маленькая, ты говорила: «Если что-то случилось, то оно уже случилось, и надо делать, а не бояться».

— Я такого не говорила.

— Говорила. Ты много чего говорила.

Бабушка вдруг усмехнулась.

— Значит, я дура была, — сказала она. — Надо было учить тебя сидеть дома.

Она пошла к дому и на крыльце остановилась.

— Воду пей, — сказала она. — Каждый час.

— Ба.

— Я серьёзно. Каждый час.

Она вошла.

Юля постояла ещё немного.

Они собрались к полудню. Вещей было немного: тёплая одежда, две пары носков, ложка, кружка, нож. Бабушка положила в чемодан деньги, завёрнутые в платок, и сверху ещё один платок, тонкий, с вышитыми васильками.

— На холод, — сказала она. — Под шапку.

Оля вышла из своей комнаты, когда Юля уже застёгивала чемодан. Она была в том же платье, что и вчера, и волосы у неё были не собраны.

— Значит, всё-таки едешь, — сказала она.

— Еду.

Оля кивнула. Она стояла и держалась за спинку стула, будто у неё кружилась голова.

— Я с тобой не поеду, — сказала она.

— Я знаю.

— Я не могу его оставить.

— Я знаю, Оля.

Оля посмотрела на неё и вдруг заплакала. Не громко, без всхлипов, просто из глаз потекли слёзы, и она не стала их вытирать.

— Прости меня, — сказала она.

— За что?

— За то, что не поеду.

Юля подошла и обняла её. Оля была худая, и под платьем чувствовались лопатки, острые, как у птицы.

— Ты остаёшься с ним, — сказала Юля. — Это тоже дело.

Костя вошёл в коридор, когда они ещё стояли обнявшись. У него в руках была сумка, и он держал её так, будто уже собрался.

— Я поеду, — сказал он.

Оля отстранилась от Юли и посмотрела на него.

— Нет, — сказала она.

— Я поеду, — повторил он. — Я не могу отпустить её одну.

— Ты не отпустишь её одну, — сказала Оля. — С ней Ари и Лара.

— Оля.

— Я не могу остаться здесь одна, — сказала Оля, и голос у неё сорвался. — Понимаешь? Не могу.

В коридоре стало тихо. Костя стоял с сумкой и смотрел на Олю. Потом медленно поставил сумку на пол.

— Хорошо, — сказал он.

Спокойно, и от этого у Юли заныло под ложечкой.

— Я останусь, — сказал он. — Но если она не вернётся, я пойду.

Оля кивнула.

— Если она не вернётся, — сказала она, — мы пойдём вдвоём.

Ночью Юля не спала.

Дверь тихо открылась, и вошла Оля.

— Не спишь?

— Нет.

Оля села на край кровати и положила на одеяло маленький мешочек.

— Нитки, иголка, две пуговицы, — сказала она. — И вот. — Она достала сложенную бумажку. — Адрес. Почта тут раз в неделю, но работает.

— Оля, ты правда остаёшься?

— А куда я денусь?

— Ты не обязана.

— Обязана, — сказала Оля спокойно. — Он мой муж.

Юля отвернулась к стене.

— Я его знаю-то всего ничего, — сказала она. — А ты сидишь.

— Тридцать лет, — сказала Оля. — И всё равно вижу не каждый день.

Она помолчала.

— Я боюсь не того, что он умрёт, — сказала она. — Я боюсь, что он очнётся и спросит: а где Юля? А я скажу: уехала. А он спросит: куда?

— И что?

— И я скажу: на север, за водой. — Оля пожала плечами. — Он решит, что я сошла с ума. Он лежит три месяца и ничего не знает.

Оля разгладила мешочек на одеяле.

— Я тебе вот что скажу, — сказала она. — Ты уедешь, и я останусь тут одна. С ним, с Костей и с твоей бабушкой.

— Оля.

— Я не жалуюсь, — сказала она. — Я говорю, что ты едешь одна. У тебя вон живот.

Она посмотрела на одеяло, потом на Юлю.

— Ты его там не потеряй, — сказала она. — Я про живот.

— Постараюсь.

Оля дошла до двери.

— Я буду ходить к нему каждый день, — сказала она. — И говорить, что ты поехала за доктором.

— За доктором?

— Не за водой же.

Она вышла.

Юля лежала и слушала, как она ходит по дому: тихо, но всё-таки не бесшумно, как ходят люди, которые не привыкли, что их слышно.

Перед рассветом она вышла в коридор.

Костя сидел на полу у своей двери.

— Ты чего? — спросил он.

— Не спится.

— Мне тоже.

Она села рядом.

— Костя.

— Не начинай.

— Я не начинаю.

— Ты сейчас скажешь «останься», — сказал Костя. — Или скажешь, что тебе так легче. И я сломаюсь.

— Я хотела сказать, что ты мне как брат, — сказала Юля.

Костя помолчал.

— Вот этого не надо было, — сказал он.

— Почему?

— Потому что неправда, — сказал он. — Мы с тобой выросли вместе. Я тебе портфель носил. Я знал, как ты дышишь, когда врёшь, раньше, чем ты сама узнала. И теперь ты говоришь «как брат».

— Костя.

— Я не в обиде, — сказал он. — Я просто говорю.

Он поднял голову.

— Ты иди, — сказал он. — Я останусь. Не потому, что ты уговорила, а потому, что она тут.

— Оля.

— Оля.

Он смотрел прямо перед собой.

— Ты всё-таки вернись, — сказал он. — Только не с пустыми руками. Принеси мне что-нибудь. Камень. Ногу. Что-нибудь.

— Ногу?

— Ну а что я скажу Оле? — сказал Костя. — Что ты ходила за водой?

Юля фыркнула, и это было первое за неделю чувство, кроме тяжести.

Она взяла чемодан.

Перед тем как выйти, она зашла в комнату на первом этаже. Сергей лежал так же, как утром, и грудь у него поднималась ровно и медленно. На стуле у койки лежало сложенное полотенце.

Юля постояла, потом наклонилась и поправила ему край одеяла. Рука у него была тёплая.

— Ну, — сказала она. — Ты тут не сдавайся.

Она вышла в коридор, где её ждали Ари и Лара. Лара была в куртке, с рюкзаком на одном плече, и за поясом у неё торчала рукоять ножа.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего.

— У тебя лицо мокрое.

Юля вытерла лицо ладонью.

— Дождь, — сказала она.

На дворе было сухо.

Бабушка вышла их проводить. На ней было пальто, надетое поверх халата, и в руках она держала узел.

— Это в дорогу, — сказала она и сунула узел Юле. — Хлеб, сало, лук. Не спорь.

— Не спорю.

Бабушка взяла её за плечи и посмотрела в лицо.

— Ты слушай Ари, — сказала она. — Он не всё говорит, но он видит больше, чем говорит.

— Ба.

— И не тяни из себя без нужды. Ты уже знаешь, чем это кончается.

— Знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказала бабушка. — Но ладно. Иди.

Она обняла её, крепко, до хруста, и отпустила.

Они вышли за ворота и пошли по дороге к повороту. Юля шла с чемоданом, Лара рядом, Ари чуть впереди, как всегда.

У поворота Юля обернулась.

Бабушка стояла у калитки. Оля стояла на крыльце, обхватив себя руками. Костя стоял у окна в доме, за стеклом, и не махал.

Юля подняла руку. Он не поднял.

— Пойдём, — сказала Лара. — Автобус.

Они пошли дальше.

Север

В поезде пахло углём и мокрыми пальто.

Юля сидела у окна, положив ноги на чемодан, чтобы не мешать проходу. Напротив спала Лара, привалившись виском к раме, и во сне у неё подёргивалась рука. Ари сидел рядом с Юлей, ближе к проходу, и смотрел в темноту за стеклом.

За окном ничего не было. Иногда проплывали огни, редкие, далёкие, и снова чёрное поле.

— Ты не спишь, — сказал Ари.

— Нет.

— Болит?

— Ноют. — Юля повернулась на бок, чтобы устроиться удобнее. — Как будто внутри кто-то надувает шарик и не даёт сдуться.

Ари ничего не ответил. Он снял с себя куртку и подложил ей под поясницу, свернув валиком.

— Так?

— Так.

В вагоне было тепло, но от окна тянуло холодом. На столике стояли три стакана в подстаканниках, чай в них давно остыл, и на поверхности плавала чаинка.

— Ари.

— Да.

— Ты знал Игоря?

Он помолчал.

— Видел один раз. На мосту, — сказал он. — Он шёл за тобой.

— И?

— И всё.

Юля смотрела на чаинку в стакане.

— Я его не простила, — сказала она. — Игната простила, а его нет.

— Я знаю.

— Это плохо?

Ари повернул голову.

— Это честно, — сказал он.

— Мне от этого не легче.

— И не должно.

Он сказал это ровно, без утешения, и она была благодарна ему больше, чем за любые слова.

Потом снова стало тихо. Колёса стучали, кто-то в конце вагона кашлял, и проводница прошла по проходу, собирая стаканы.

Лара проснулась, когда за окном прошла станция без названия.

Она села, потёрла лицо и посмотрела на Юлю мутными глазами.

— Долго ещё?

— Не знаю. Часа три.

— А.

Она достала из рюкзака свёрток и развернула его на коленях. Внутри были варёные яйца, хлеб и солёные огурцы, завёрнутые в пакет.

— Будешь?

— Буду.

Ели молча. Ари взял кусок хлеба и держал его, не надкусывая, и Юля не спросила, зачем он его взял.

— Можно? — спросила Лара, кивнув на её живот.

— Можно.

Лара положила ладонь и подержала. Потом убрала.

— У меня был ребёнок, — сказала она.

Юля не пошевелилась.

— Мальчик?

— Девочка. — Лара откусила огурец. — Давно. Она умерла в четыре года. Лихорадка.

— Прости.

— Это было двенадцать лет назад, — сказала Лара. — Я уже научилась говорить об этом спокойно. Почти.

Она положила огурец обратно в пакет и вытерла руки о колени.

— Она собирала камешки, — сказала Лара. — Везде. Я вытряхивала у неё из карманов, а она опять.

— Зачем?

— Не знаю. — Лара пожала плечом. — Говорила, что они её.

Она сунула руку в рюкзак и достала что-то маленькое.

— Вот.

Юля взяла. Камешек был серый, гладкий, с дыркой сбоку, и от руки Лары он был тёплый.

— Семь штук было у неё в куртке, когда я её одевала в последний раз, — сказала Лара. — Остальные остались в доме. Этот я ношу.

Юля вернула камешек.

— Она боялась грозы, — сказала Лара. — Залезала ко мне под бок и держала за руку. За эту. — Она пошевелила правой. — Тогда она ещё была моя.

Она опустила руку.

— Грома не боюсь, — сказала Лара. — Просто не могу слушать.

Она убрала камешек в рюкзак и затянула шнурок. Помолчала и добавила:

— Я поэтому и поехала с тобой. Не из-за клана.

Юля посмотрела на её правую руку. Лара всегда держала её чуть отдельно от тела, будто это была не рука, а вещь, которую она носила.

— Что с рукой? — спросила Юля.

— Мёртвая, — сказала Лара.

— Совсем?

— Совсем. Я её не чувствую. Она двигается, потому что я её заставляю, а не потому что чувствую. — Лара сжала и разжала пальцы. — Врачи сказали, нерв. Ведьмы сказали, плата. Кто-то забрал, только не сказал кто.

— За что?

— Мне было двадцать. Я полезла в чужой сад. — Лара усмехнулась. — Не за яблоками.

— И стоило?

— Нет.

Она завернула остатки в пакет и положила в рюкзак.

— Слушай, — сказала она. — Я тебе вот что скажу, пока мы не приехали. Когда рожаешь, надо, чтобы рядом был кто-то, кто не будет бояться.

— Ты не боишься?

— Я боюсь, — сказала Лара. — Но я подожду бояться потом.

Она откинулась на спинку и закрыла глаза.

— Я посплю ещё. Разбудишь.

Она заснула сразу, а Юля смотрела в окно.

За стеклом было уже не совсем чёрно. Небо над полем светлело, и в этом свете была видна полоса, где кончается земля.

Ари положил руку ей на плечо.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего.

— Ты дрожишь.

— Холодно.

Он не стал спорить, но куртку поправил.

На столике остался хлеб, который он так и не съел.

Юля закрыла глаза.

Комната пришла не сразу.

Сначала был свет. Не лампа, а что-то другое, белое, ровное, и в этом свете был потолок. Побелка, в одном углу жёлтое пятно. Юля смотрела на него снизу, и потолок был очень далеко.

Потом в поле зрения попала рука. Чужая рука, взрослая, с обручальным кольцом, и она что-то делала над кроватью. Поправляла одеяло? Она двигалась медленно, и на запястье у неё была тонкая цепочка.

Юля попыталась повернуть голову и не смогла. Тело не слушалось. Тело было маленькое и чужое, и распоряжалась им не она.

— Юля.

Её тронули за плечо.

Она открыла глаза. Ари держал её за руку и смотрел на неё.

— Ты уходила, — сказал он.

— Я видела руку, — сказала Юля. — Женскую. С кольцом. Она поправляла одеяло.

— Чьё одеяло?

— Не знаю. Я смотрела снизу.

Ари отпустил её руку и откинулся на спинку.

— Ты видела потолок?

— Да. Жёлтое пятно в углу.

— Значит, они лежат, — сказал он. — И смотрят вверх.

Юля поёжилась. Куртка, подложенная под поясницу, была тёплая, но её всё равно пробирало.

— Ари.

— Да.

— Если они там, то кто эта женщина?

Он не ответил.

Утром они вышли на станции, где поезд стоял две минуты.

Платформа была короткая, посыпанная щебнем, и на ней не было ни души. За платформой начинался лес, и над лесом висело серое небо.

В здании станции было две комнаты: зал с шестью стульями и буфет.

В буфете за прилавком стояла женщина в халате и смотрела телевизор. Телевизор трещал.

— Чаю? — спросила она.

— Три.

Женщина налила из большого чайника в три стакана, поставила на поднос и добавила к ним блюдце с печеньем.

— Печенье бесплатно, — сказала она. — Всё равно не берут.

Они сели к окну.

Автобус должен был быть через час, но через час его не было.

— Он всегда так? — спросила Лара.

— Он когда как, — сказала женщина. — Водитель с утра в райцентре. Если дорога, будет к обеду.

— А если не будет?

— Тогда завтра.

Ари сидел, положив руки на стол, и смотрел в окно. Он не пил чай. Юля заметила, что от него идёт слабый запах, как от холодной земли, и подумала, что это от куртки, которую он не снимал третьи сутки.

В зал вошёл мужик в ватнике, с мешком за спиной, и поздоровался со всеми сразу, ни к кому не обращаясь.

— На Северный? — спросил он.

— На Северный.

— Вместе поедем. Я в третьем доме живу, у мостков.

Он поставил мешок на пол и сел напротив них, хотя вокруг было пусто.

— Вы к кому? — спросил он.

— К женщине, — сказала Лара. — Она кузнец.

Мужик посмотрел на неё внимательно.

— К Марье Степановне, — сказал он. — Знаю.

— Марья Степановна?

— Ну. — Мужик поскрёб щёку. — Вы её так не зовите. Она не любит.

— А как звать?

— Никак, — сказал он. — Оружейница, и всё. Так и зовут.

Он отхлебнул из фляжки.

— Она у нас давно. Лет тридцать, а то больше. Куёт всё, что железное: гвозди, петли, топоры. Топоры у неё хорошие. — Он посмотрел на Ари. — Ножи тоже.

— Вы с ней разговариваете? — спросила Юля.

— Здороваюсь.

— И всё?

— И всё, — сказал мужик. — Она не то чтобы нелюдимая. Она как бы отвечает, а потом смотришь, а разговора не было.

Он помолчал.

— К ней приезжают, — сказал он. — Разные. Кто за ножом, кто просто так. Были такие, что приезжали и не уезжали.

— Как это? — спросила Лара.

— Так. — Мужик пожал плечами. — Приехал человек, она его в дом пустила, а обратно он не пошёл. Не то помер, не то ещё что. Я не спрашивал.

Он посмотрел на Юлю, на её живот и отвёл глаза.

— Вы бы к ней не с ребёнком шли, — сказал он. — Мало ли.

— Мне уже не к кому идти, — сказала Юля.

Мужик кивнул, будто она сказала что-то понятное.

— Ну, — сказал он и больше не заговаривал.

Автобус пришёл к двум, старый, с выцветшей надписью на боку. Водитель извинился, хотя никто не спросил.

Перед тем как сесть, Юля обернулась на станцию.

Женщина в буфете закрывала ставни, и в окне было видно, как она поворачивается и гасит свет.

Юля подумала, что это единственное место за всю дорогу, где она видела, как кто-то живёт, не думая о том, что за ним могут прийти.

Потом она подумала, что и эта женщина, наверное, просто не знает.

Водитель докуривал у открытой двери.

— Садитесь. Через час едем.

В автобусе было холодно. Печка работала, но грела плохо, и Юля сидела в куртке, застёгнутой до подбородка, положив руки на живот.

Дорога шла через лес. Деревья стояли близко к обочине, высокие, с голыми ветками, и за ними иногда блестела вода.

— Это река? — спросила Юля.

— Озеро, — сказал водитель. — Дальше будет ещё.

— Много озёр?

— Много.

Он помолчал и добавил:

— Тут вода везде. Под землёй тоже.

Юля посмотрела на него в зеркало. Водитель смотрел на дорогу и больше ничего не сказал.

Через двадцать минут он вдруг замедлил ход.

— Это ваша? — спросил он, не оборачиваясь.

Юля обернулась.

Сзади, метрах в тридцати, по обочине бежала собака.

Она бежала не быстро. Она держала ровную скорость, как бегут собаки, которые знают, что догонят: голова низко, хвост крючком, язык набок.

— Мороз, — сказала Юля.

— Кто? — спросила Лара.

— Наша собака. Из деревни.

Лара привстала и посмотрела назад.

— Она что, всю дорогу?

Ари не обернулся.

— Я говорил, — сказал он.

— Ты говорил — увозить, — сказала Юля.

— Вот и говорю.

Водитель смотрел то на дорогу, то в зеркало.

— С собаками нельзя, — сказал он. — Мне за это.

— Остановите, — сказала Юля.

— Ты куда её? — спросила Лара. — Обратно отправишь?

Юля не ответила.

Автобус встал. Дверь открылась со скрипом, и в салон втянуло холодом и мокрым запахом леса.

Мороз добежала, постояла, посмотрела на дверь и запрыгнула.

Она была мокрая, и от неё пахло шерстью и землёй.

Прошла по проходу, обнюхала пустые сиденья, легла у ног Юли и тяжело задышала.

— Собаку нельзя, — повторил водитель.

— Я заплачу, — сказала Юля.

— Дело не в деньгах.

— Я заплачу вдвое.

Водитель посмотрел на неё, на её живот, на собаку и сказал:

— Ладно. Только чтобы не гадила.

Он закрыл дверь, и автобус поехал.

Лара смотрела на собаку.

— Она сколько пробежала?

— Километров десять, — сказал Ари.

— Откуда ты знаешь?

— По дыханию.

Мороз дышала, и язык у неё лежал на полу.

Юля наклонилась и положила руку ей на голову.

— Ты дура, — сказала она. — Ты бы замёрзла.

Собака прижала уши.

— Она не замёрзла, — сказал Ари.

Юля выпрямилась.

— Что?

— Она не замёрзла, — повторил Ари. — У неё нет инея. Она бежала по снегу десять километров, и на ней нет инея.

Юля посмотрела на собаку. Шерсть у неё и правда была мокрая, но не от снега: тёмная, тяжёлая, как после дождя.

— И что это значит?

Ари помолчал.

— Это значит, что она знала, куда мы едем, — сказал он. — И знала, что догонит.

— Откуда она могла знать?

— Вот и я думаю.

Мороз подняла голову, посмотрела на него одним своим глазом и опустила её обратно.

Через час они вышли.

Северный оказался деревней в две улицы. Дома стояли вдоль дороги, за заборами из серых досок, и у каждого во дворе лежали лодки, перевёрнутые вверх дном. Пахло дымом и рыбой.

Лара достала из рюкзака бумажку, развернула её и посмотрела на каракули, которые нарисовала бабушка.

— Нам туда, — сказала она и кивнула на конец улицы.

Они пошли.

У колодца стояла женщина и набирала воду. Ведро было тяжёлое, и она вытягивала его двумя руками, перехватывая верёвку.

— Здравствуйте, — сказала Юля.

Женщина поставила ведро на сруб и выпрямилась.

— Здравствуйте.

Она была немолодая, в резиновых сапогах и в телогрейке поверх платья, и лицо у неё было красное от ветра.

— Мы ищем дом оружейницы, — сказала Лара.

— Вон он, — сказала женщина и показала подбородком. — В конце.

Она смотрела на них не враждебно, а устало, как на гостей, которых давно ждали и которым не слишком рады.

— Вы надолго? — спросила она.

— Не знаем.

— А. — Женщина взялась за дужку ведра. — У неё останавливаются. Только потом уезжают не все.

— Нам уже говорили, — сказала Юля.

— Ну и хорошо, что говорили.

Она подняла ведро и понесла его через дорогу, и вода плескалась через край и оставляла на обочине тёмные точки.

Юля пошла дальше и вдруг остановилась.

— Ари.

— Да.

— Смотри.

У одного дома на верёвке сушилось бельё. Детские штаны, маленькая куртка, ползунки. Ветра почти не было, и бельё висело неподвижно.

— И что? — спросил Ари.

— Тут есть дети, — сказала Юля. — Я думала, тут вообще никого.

— Тут сорок человек, — сказал Ари. — Я слышу.

— Ты слышишь?

— Слышу. — Он повёл головой. — Вон там двое. Там собака. Там кто-то пилит.

Юля прислушалась. Сначала ничего. Потом, далеко, за домами, действительно заныла пила, ровно, с перерывами.

— Я не умею так, — сказала она.

— Научишься, — сказал Ари. — Это не магия. Это привычка.

Лара шла впереди и считала дома.

— Третий, четвёртый, пятый, — говорила она себе под нос. — Шестой.

В конце улицы стоял дом больше остальных, с двумя трубами и с пристройкой, где, судя по всему, была кузница. Во дворе лежали железные полосы, стояла наковальня, и на верстаке висели клещи.

Юля остановилась у калитки.

— Ари.

— Да.

— У меня было чувство, будто мы ехали очень долго.

— Мы ехали два дня.

— Нет, — сказала она. — Не так.

Она смотрела на дом и не могла понять, что её тревожит. Дом как дом, серые доски, тёмные окна.

Потом она поняла.

Окна были занавешены. Все три. И занавески были в мелкий синий цветок.

Оружейница

Оружейница вышла во двор, когда они стояли у калитки.

Она была в фартуке из толстой кожи и в валенках, а руки у неё были по локоть в саже. Седые волосы она забрала назад и заколола железной шпилькой.

— Долго, — сказала она.

— Вы нас ждали? — спросила Юля.

— Я ждала воду. — Оружейница вытерла руки о фартук. — За водой приходят. Раньше или позже.

Она посмотрела на живот Юли, потом на собаку, которая стояла у калитки.

— А это откуда?

— Приблудилась, — сказала Юля.

— Давно?

— С января.

Оружейница вытирала руки дольше, чем нужно.

— И она с тобой ехала?

— Бежала за автобусом.

— А. — Оружейница посмотрела на Мороз ещё раз и отвернулась. — Ну, заходи, собака.

Собака вошла первой.

Оружейница перевела взгляд на Юлино лицо.

— Четвёртый месяц.

— Четвёртый.

— А выглядит на пятый. — Она открыла калитку. — Заходите. Не стойте на холоде.

В доме пахло железом и остывшей золой. В первой комнате стоял верстак, на нём лежали напильники, клещи и куски металла. На стене висели ножи в ряд, от маленьких до длинных, и каждый был в своей петле.

Оружейница прошла вперёд и открыла дверь в соседнюю комнату.

— Здесь посидите.

Юля вошла и остановилась.

Комната была маленькая. Стол у окна, кровать под стеной, сундук в углу. На окнах висели занавески в мелкий синий цветок. На подоконнике стояли три стеклянные банки, и в одной была вода.

Юля услышала, как у неё за спиной Ари остановился.

— Это она, — сказала Юля.

— Вижу, — сказал Ари.

Оружейница села на табурет у стола и положила руки на колени.

— Садись, — сказала она. — И ты садись. И ты.

Лара осталась стоять у двери.

— Вы знаете, что мы видели? — спросила Юля.

— Ты видела мою комнату, — сказала оружейница. — Снизу. Как смотрят маленькие.

— Почему?

Оружейница молчала. Потом встала, подошла к кровати и положила ладонь на одеяло.

— Вода под домом, — сказала она. — Колодец старый, ему больше лет, чем деревне. Я его не копала, мне его оставили. И всё, что над водой, вода запоминает. — Она посмотрела на Юлю. — Твои дети лежат и смотрят. А смотрят они туда, где вода. Здесь её много.

— Значит, они видят вашу комнату, потому что под ней вода?

— Значит, так.

Юля села на край кровати. Одеяло было шерстяное, жёсткое.

— А женщина с кольцом? — спросила она. — Кто это?

Оружейница посмотрела на неё и не ответила.

— Я видела руку, — сказала Юля. — С обручальным кольцом. Она поправляла одеяло.

— Мало ли кто поправляет одеяло, — сказала оружейница и отвернулась к окну.

Юля посмотрела на Ари. Он смотрел на оружейницу.

— Дайте нам воды, — сказала Юля. — Мы пришли за ней.

— Вода не в доме, — сказала оружейница. — Вода внизу.

— В колодце?

— В колодце вода мёртвая. Такая не держит. — Она подошла к сундуку, открыла его и достала моток верёвки. — Та вода внизу, под колодцем. До неё идти по ходу. Ход узкий, но ты пройдёшь.

— Ари пойдёт со мной.

— Нет.

Юля подняла голову.

— Почему?

— Потому что ход под водой, — сказала оружейница. — И вода пускает одного. Двое пройдут, а обратно выйдет один. Или никто.

— Тогда я пойду с ней, — сказала Лара.

— Ты не слышала, — сказала оружейница. — Один.

— Почему она считает? — спросила Юля.

— Потому что вода под ходом, — сказала оружейница. — Сколько вошло сверху, столько она и отпустит. Двое вошли, одного оставит себе.

— А если выведет кто-то снизу?

— Тогда считай иначе. Кто внизу живёт, того она не считает: он ей не гость.

В комнате стало тихо.

— Это ваша цена? — спросила Юля.

— Это не цена, — сказала оружейница. — Это ход.

Она положила верёвку на стол и села напротив.

— Цена другая.

— Какая?

Оружейница посмотрела на её шею.

— Сними.

Юля машинально взялась за кулон.

— Это не продаётся.

— Я и не покупаю, — сказала оружейница. — Оставь его здесь. На время.

— Зачем?

— Ход под землёй идёт через воду, — сказала оружейница. — А вода показывает то, что ты хочешь. Кому что. Кто-то видит мать, кто-то дом, кто-то деньги. И все идут за этим в сторону и не возвращаются. Ты пойдёшь с пустыми руками, и вода тебе покажет пустоту. Тогда дойдёшь.

Юля сжала кулон в кулаке.

— А если я не вернусь?

— Тогда он останется у меня, — сказала оружейница. — И я его никому не отдам. Слово.

Ари шагнул вперёд.

— Не отдавай.

— Ари.

— Это единственное, что у тебя есть от них, — сказал он. — Ты отдала кулон за карту. Ты помнишь, чем это кончилось.

— Помню.

— Тогда не отдавай.

Юля посмотрела на кулон. Металл был тёплый. Внутри, под крышкой, лежали два лица, и она знала их наизусть, хотя видела только раз.

Она подумала о детях, которые лежат и смотрят в потолок с жёлтым пятном. О женщине с кольцом. О том, что через неделю, может быть, она не встанет.

— Если я не дойду, — сказала она, — они не родятся.

— Родятся, — сказала оружейница. — Только не такими.

— Вы знаете, какими?

Оружейница посмотрела на неё.

— Я видела, — сказала она. — Один раз. Давно.

Она не сказала, что видела. И Юля не спросила.

Она расстегнула цепочку. Замок был маленький, тугой, и пальцы не сразу его нашли. Потом цепочка потекла по шее, и стало холодно.

Юля положила кулон на стол.

Оружейница не взяла его. Она накрыла его ладонью и придвинула к себе, к самому краю стола.

— На ночь не пойдёшь, — сказала она. — Утром. Вода утром тише.

Она встала и вышла в кузницу. Дверь за ней закрылась не сразу, и в комнату потянуло холодом.

Юля сидела и смотрела на свою ладонь. На ней остался след от цепочки, тонкая полоса.

— Ты сделала правильно, — сказала Лара от двери.

— Я знаю, — сказала Юля.

Она сказала это и сама себе не поверила.

Ночью она не спала.

Дом был чужой, и в чужом доме всегда слышно больше, чем хочется. Скрипела крыша. В печи оседали угли. Где-то за стеной, в кузнице, ровно и тихо шипело.

Юля встала, накинула куртку и вышла.

В кузнице горела лампа. Оружейница сидела на табурете у верстака и точила нож. Камень ходил по лезвию медленно, с водой, и от этого шёл пар.

Она не подняла головы.

— Не спится.

— Не спится.

— Садись.

Юля села на ящик у стены. В кузнице было теплее, чем в доме, и пахло мокрым камнем и железом.

Оружейница точила, пока не кончила, потом вытерла лезвие о фартук и отложила.

— Собака твоя где? — спросила она.

— Во дворе.

— Не во дворе. — Оружейница кивнула на дверь. — Она под дверью стоит. Я слышу, как она дышит.

Юля прислушалась. Ничего не было слышно.

— Она с января, — сказала она.

— Ты мне уже говорила.

— Вы думаете, с ней что-то не так?

Оружейница положила нож и посмотрела на неё.

— Я думаю, что это не собака, — сказала она. — Это глаз.

— Какой глаз?

— Так говорят старые. — Оружейница поставила локти на верстак. — К тем, кто должен что-то сделать, приставляют глаз. Он ходит рядом и смотрит. Не мешает. Не помогает. Смотрит.

Юля почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— И кто смотрит?

— Не знаю, — сказала оружейница. — Может, те, кто считает. Может, кто похуже.

— Что я должна сделать?

Оружейница посмотрела на её живот.

— Ты знаешь что.

В кузнице стало тихо, только вода капала с камня на верстак.

— И что мне с ней делать? — спросила Юля.

— Ничего.

— Прогнать?

— Не уйдёт, — сказала оружейница. — Они не уходят. Если ты её прогонишь, она будет ходить вокруг и смотреть оттуда. А так она у тебя на виду.

Она снова взяла нож.

— Только одно запомни, — сказала она. — Не разговаривай с ней. И не думай при ней. Они не понимают слов, они понимают, что ты чувствуешь.

Юля посмотрела на дверь.

— Она была у нас два месяца, — сказала она. — Я её кормила.

— Ну и корми, — сказала оружейница. — Корми и молчи.

Она принялась точить.

— Спрашивай, — сказала она.

— Про руку с кольцом.

— Я думала.

Она подняла руку и показала. На безымянном пальце было обручальное кольцо, стёртое до блеска, и на запястье тонкая цепочка.

— Это я, — сказала оружейница. — Двадцать шесть лет назад.

Юля смотрела на кольцо.

— Вы поправляли одеяло.

— Я поправляла одеяло сыну, — сказала оружейница.

Она помолчала.

— Его звали Гриша. Он родился не таким.

— Как «не таким»?

— С двумя, — сказала оружейница. — Как ты. Только у него не было силы. У него было наоборот.

— Как это?

— Он забирал. — Оружейница смотрела на свои руки. — Ему было месяца три, и вокруг него начали болеть. Сначала кот. Потом я. Потом соседская девочка, которая взяла его на руки.

Юля не двигалась.

— Муж не знал, — сказала оружейница. — Он думал, что ребёнок больной. Я тоже так говорила. Я говорила это полтора года.

— А потом?

— Потом он увидел.

Она встала, взяла с полки жестяную банку и открыла её. Внутри была заварка.

— Я держала Гришу в подвале, — сказала она. — Не потому что не любила. Потому что иначе его бы забрали. А забрали бы, и он бы умер у чужих.

— И что случилось?

— Он умер у меня, — сказала оружейница. — В четыре года. Ночью. Я пришла, а он холодный.

Она насыпала заварку в кружку.

— Муж ушёл через полгода. Не выдержал. Я его не виню.

— Вы его похоронили?

— Здесь, — сказала оружейница. — За домом, под берёзой. Там теперь качели соседские стоят, дети катаются. Пусть.

Она залила заварку кипятком.

— Поэтому вода запомнила мою комнату, — сказала она. — Я двадцать шесть лет поправляю ему одеяло во сне. Вода это видит и держит.

Юля смотрела на неё и не знала, что сказать.

— Вы поэтому мне сразу сказали про «не такими»?

— Поэтому.

— Что с ними будет?

Оружейница поставила кружку перед ней.

— Сначала ничего, — сказала она. — Они будут расти, и ты будешь думать, что всё хорошо. Потом начнут болеть те, кто рядом. Не сильно. По-мелкому: у кого зуб, у кого голова. Потом сильнее.

— А если их держать?

— Держать можно, — сказала оружейница. — Только держать надо водой и собой. Всю жизнь. И не отходить.

Она подсела к столу.

— Ты пей.

Юля взяла кружку. Чай был крепкий и горький, и от него сразу защипало в горле.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Не надо.

— Мне надо.

Оружейница помолчала.

— Марья, — сказала она. — Только не Степановна. Степановна — это свекровь.

Юля усмехнулась. Это вышло неожиданно для неё самой.

— Марья.

— Угу. — Оружейница встала и взяла со стола нож. — Иди спать. Утром вода.

Юля встала.

У двери она обернулась.

— А ваш муж знал, что вы… — она не нашла слова.

— Знал, что я не такая, как он, — сказала Марья. — Про меня знал всё и ни разу не спросил. А про Гришу не знал. И это было лучшее, что он для меня сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.